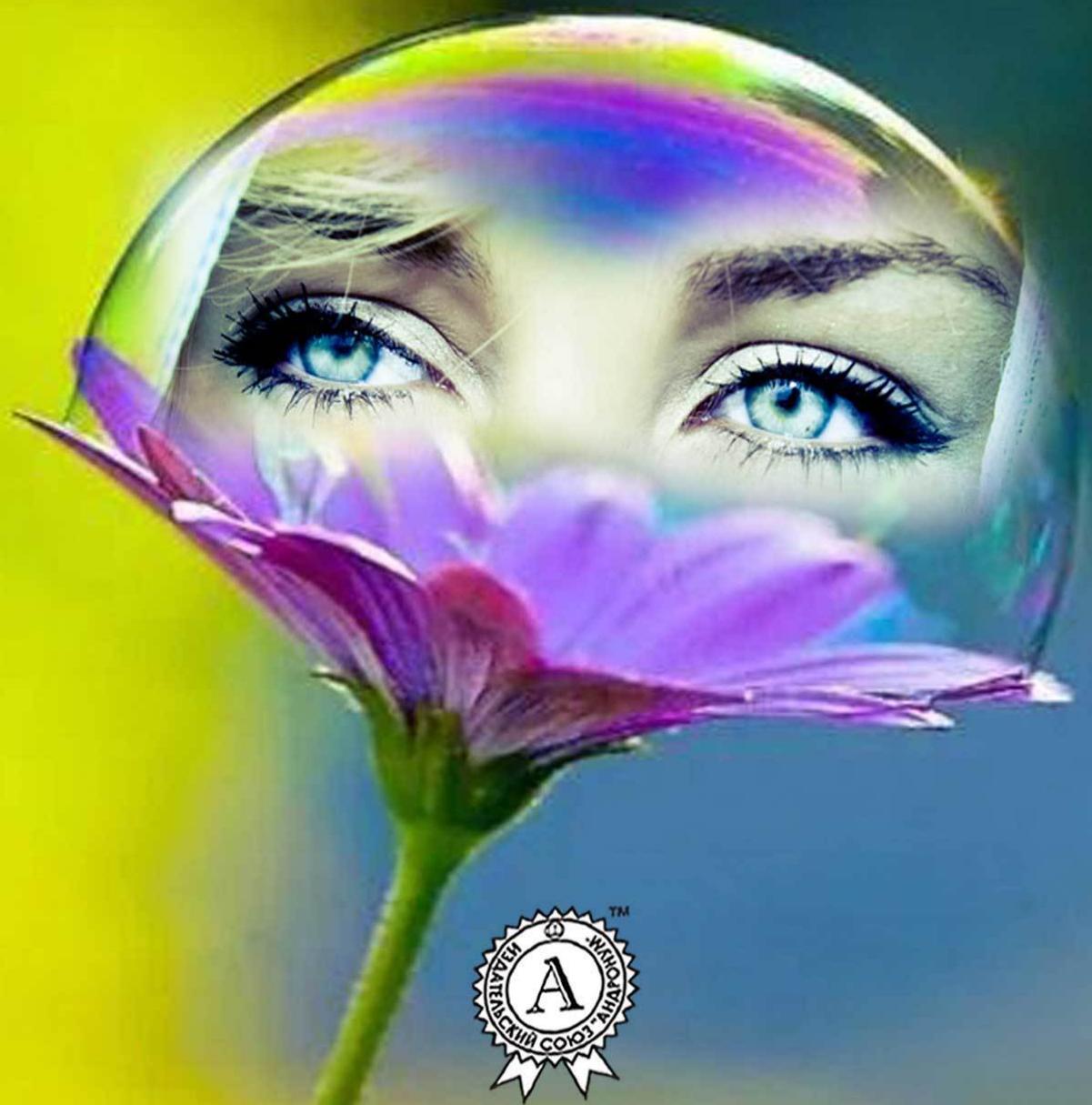

ЛАРИСА МАТРОС

**КРАСОТА СПАСЕТ МИР,
ЕСЛИ МИР СПАСЕТ
КРАСОТУ**

Лариса Матрос

**Красота спасет мир,
если мир спасет красоту**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Матрос Л.

Красота спасет мир, если мир спасет красоту / Л. Матрос —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

В данный сборник включены наиболее признанные коротких форм и разных жанров произведения автора. Среди них повести и рассказы содержащие драматические, трагические сюжеты из жизни героев, волей судьбы оказавшихся по разные стороны планеты, о разрушенных войной судьбах, и о разладах, обусловленных нечестностью, предательством, интригой, истории о взаимоотношениях с братьями нашими меньшими и размысления на волнующие автора темы человеческой памяти, шкалы ценностей современного человека и ,прежде всего молодежи. Красной нитью, пронизывающей всю книгу является тема любви во всех ее проявлениях: и между мужчиной и женщиной, родителями и детьми, любви к животным, к родному городу. Любовь здесь является той почвой, которая движет к судьбоносным решениям, удерживает человека в испытаниях судьбы. В основе названия всей книги использованы крылатые слова Достоевского (Из романа «Идиот») - «Красота спасет мир»- поскольку оно наиболее адекватно отражает связующую концепцию всех включенных в сборник произведений, в том числе и одноименного эссе. Известно, что за этой короткой фразой гения стоит огромный пласт его нравственных исканий о назначении человека на нашей земле. Писатель исходил из того, что человек рождается нравственно красивым и зло «не может быть нормальным состоянием людей». Но так устроен человек, что определив себя, как homo sapience (человек разумный), он, однако нередко сам ставит под сомнение этот, данный себе почетный титул, порождая ситуации, которые влекут ущерб, а порой и гибель красоте, призванной его спасти.Потому афоризм классика влечет его логический вывод: чтобы красота спасла нас, мы должны спасать красоту, в себе, в окружающем мире и в нашем взаимодействии с ним.

© Матрос Л.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

РАССКАЗЫ	7
Мама	7
Собачка с дамой	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Лариса Матрос
Красота спасет мир,
если мир спасет красоту**

Рассказы, повести, эссе

(избранное)

РАССКАЗЫ

Мама

Он был всем в ее жизни, ее сын. Она ждала его долго. Больше года с момента замужества лечилась, ходила на процедуры. Лечащий врач ничего не гарантировал, но все же внушал оптимизм насчет перспектив. Она не просто хотела ребенка, она хотела сына, чтобы назвать его именем безвременно ушедшего, горячо любимого отца.

Но столкнувшись с шокирующей непорядочностью по отношению к себе со стороны мужа, решила немедля разойтись. Теперь она была даже рада тому, что с рождением ребенка пока ничего не вышло, и начала готовиться к исполнению своего решения.

Кому-то из литераторов принадлежат слова: «Каждый месяц природа напоминает женщине о том, что она может стать матерью». Около двух лет с трепетом ждала «удостоверения» природы о том, что она не из числа тех исключений, которым не дано счастье стать матерью, а ныне... шла к врачу, готовая с полным равнодушием услышать то, что еще недавно доставляло ей неописуемые страдания, – отрицательный ответ на очередной тест о беременности. Но врач, который усердно помогал ей, радостно сообщил об успехе их стараний.

Домой она возвращалась в растерянности, раздираемая противоречиями. Однако, все же осознав совершившееся во всей его значительности, дала себе обет приложить все усилия к тому, чтобы ребенок появился на свет и рос в полноценной, благополучной семье.

По всем внешним признакам ей предсказывали дочь, но она упорно твердила, что у нее родится сын. И он родился! Крепким, здоровым и красивым! С самого первого прикосновенья его влажных, теплых губ к ее груди она восприняла сына как чудо, явившееся, чтобы стать ей опорой всегда и во всем. Данное ему имя – Виктор – стало не только символом памяти об отце, но и знаком ее побед за счастье сына. С первых лет она растила его как «маленького принца» – с изысканными манерами, почтительным отношением к старшим и представителям прекрасного пола.

Ради сына она изощрялась, как могла, чтобы совладать с тираническими и плейбойскими замашками мужа и сохранить семью, дабы не обрекать ребенка на зависть к тем детям, которые живут в полных семьях, что ей приходилось наблюдать среди учащихся в школе, особенно среди мальчиков, живущих без отцов. Компромиссы, уступки помогали внешне создавать в доме атмосферу покоя, что позволяло отнести их семью к категории вполне благополучных.

У мужа научная карьера складывалась успешно, и достигнутый им статус профессора для нее был значим прежде всего тем, что создавал благополучные, престижные условия для сына.

Она знала, что привлекает внимание мужчин, однако, при гнетущей неудовлетворенности к ней мужа, никто не мог вызвать у нее интереса, так как все ее помыслы и лучшие чувства принадлежали сыну. По единодушному мнению коллег-учителей и учащихся, она была признана одной из самых почитаемых учительниц в известной своими успехами специализированной (с биологическим уклоном) школе, где работала все годы после окончания университета.

Сын учился в этой же школе, однако, никто не мог упрекнуть ее в «семейственности», поскольку Виктор рос настолько ярким, талантливым и усердным, что никому в голову не пришло бы заподозрить ее в использовании для успехов сына своего статуса учительницы. Единственная корысть состояла в том, что мальчик всегда был у нее на глазах, и она знала о нем все. Это позволяло ей высвечивать, обозначать особым смыслом его победы и подставлять плечо при трудностях и неудачах.

Виктор почти не знал иных оценок, кроме отличных, совмещая учебу в общеобразовательной школе с посещением музыкальной и спортивной школ. Закончив школу, он поступил

на биофак университета, после которого, как лучший из студентов, был оставлен в аспирантуре. Страстно увлекшись наукой, он досрочно защитил диссертацию и был на взлете блестящей научной карьеры в избранной им области биологии.

Дружба и привязанность между сыном и матерью вызывали удивление и даже зависть у многих. Они все обсуждали вместе, часто гуляли вдвоем, делились впечатлениями об увиденном и прочитанном, о головокружительных возможностях, связанных с развитием биологии, о его друзьях и отношениях с ними и даже о его влюбленностях. Мать была его лучшим другом, и потому он всегда чувствовал себя защищенным, уверенным в себе, преисполненным чувства собственного достоинства и дружелюбия к окружающим.

«Может, и правильно, что не пошла в науку, отказалась от аспирантуры после университета, – иногда рассуждала она молча, – я чувствую неисчерпаемые возможности свои именно в качестве педагога. У меня – именно педагогический талант, данный мне от бога, и мои ученики, и прежде всего мой сын – тому подтверждение!»

* * *

День рождения сына для матери всегда был самым большим праздником, который она устраивала так, что все приглашенные долго передавали рассказы о нем из уст к устам. Это были не только фантастической выдумки яства, но и игры, капустники, спектакли, викторины, конкурсы, песни, танцы.

Но этот (!) день рождения был особенным потому, что знаменовал четверть века жизни сына на Земле. Мать готовилась к нему почти целый год. Заказала новую модную мебель для комнаты Виктора, заказала себе модное бальное платье. Купила новые вечерние одежды мужу и сыну, перебрала семейные архивы и фотографии для стенгазет и фотомонтажей, составила список гостей, список самых лучших мест, где можно провести торжество.

Однако вдруг, накануне приближающейся даты, когда она уже собралась внести аванс за аренду зала в ресторане, сын впервые не посчитался с ее желанием и категорически отказался от пышных празднеств.

Он предложил провести день рождения в узком семейном кругу, с приглашением только одной из своих подруг. «Наверное, он просто устал от недавней защиты диссертации, банкета и проч.», – решила мать и пыталась предугадать, кого же из девушек своего окружения он предпочитет в этот день. Она знала всех его подружек, потому что (по заведенному ею с самого детства сына порядку) их дом был открыт для всех его друзей всегда.

«Наверное, красавицу Алису», – рассуждала мать. Достойных претенденток на столь завидного парня было немало, но мать была убеждена, что Алиса лучше всех. Девушка ей нравилась и внешностью, и интеллигентностью, и устремленностью к знаниям, и неугасаемым интересом к культурной и литературной жизни.

Убедив себя и том, что Виктор пригласил именно ее, мать радовалась в душе тому, что выбор сына совпадает с ее критериями жены для него, и уже грезила об Алисе как о своей невестке и матери ее внуков. Конечно, ей было грустно оттого, что мечты о пышном празднике провалились, но это не послужило причиной к тому, чтобы готовить торжество менее вдохновенно.

Это была пятница, и Виктор, с утра одевшись подобающе торжеству, сказал, что сразу после университета заедет за девушкой, и они прибудут прямо к столу. Мать фактически сама подтолкнула его к такому распорядку, так как ей нужен был целый день для подготовки всех сюрпризов до начала торжества: оформить красиво его комнату в соответствии с доставленной в этот день новой мебелью, квартиру украсить цветами, шарами, накрыть стол, развесить стенгазеты и фотомонтажи, иллюстрирующие счастливый, успешный двадцатипятилетний жизненный путь сына.

Она даже подобрала кассеты с любимыми мелодиями и решила, что обязательно будут танцы. Они будут танцевать: она с мужем, Виктор с Алисой, а порой обмениваться парами: она – с сыном, а муж – с будущей невесткой. Сейчас она даже порадовалась тому, что они проведут вечер только вчетвером: интимная семейная атмосфера сразу сблизит их с будущей женой сына, и этот праздник будет знаменовать новый этап в жизни семьи, где воцарится полная гармония.

Она колебалась в выборе своего туалета и остановилась все же на том платье, которое загодя заказала, когда планировала пышные торжества. «Это – мой праздник, и праздник особенный, и я должна быть по-настоящему нарядной», – рассуждала она, натягивая шоколадного цвета атласное длинное платье на еще мало поддавшуюся возрасту, стройную фигуру. К тому же ей очень хотелось, чтоб Алиса, отличавшаяся изысканным вкусом, видела в своей свекрови женщину, не утратившую интереса к моде.

Стрелка приближалась к семи часам, и мать почувствовала необъяснимое волнение. Раздался звонок и, согласно разработанному ею сценарию, они с мужем, взяв по воздушному шару и букету цветов, состоящих каждый из 25 роз (один – белых, другой – красных) направились к двери встречать Виктора с подругой.

Дверь отворилась и перед родителями вместе с сыном предстала молодая женщина, которую они ранее никогда не видели и ничего о ней не слышали. Рядом с высоким, стройным, ухоженным и элегантным брюнетом Виктором она казалась полным контрастом: маленькой, небрежной, вульгарной и старше его.

Взлохмаченные рыжеватые волосы обрамляли уже имеющее некоторые признаки «помятости» маленькое лицо с несоответственно ему крупными чертами: большими серыми глазами, большим носом и огромными чувственными губами, которые, реагируя на малейшее движение мускулов лица, раскрывались, обнажая большие, ровные и белоснежные зубы.

Очень худое тело прикрывала прозрачная блузка, сквозь которую был виден кружевной, контрастирующий с бежевым цветом блузки, темно-коричневый бюстгальтер. До предела короткая кожаная юбка полностью обнажала длинные (относительно ее роста) ноги, слабая кривизна которых как бы усиливалась далекими от изящества туфлями на высоченной «платформе».

– Здравствуйте! – произнесла она жеманно с порога, демонстрируя себя главным подарком праздника. – Меня зовут Алиса. Рада познакомиться. Мне Виктор много рассказывал о вас. – Она обратила откровенно чувственный взгляд на Виктора и тут же чмокнула его в щеку как бы в знак благодарности за представление ей его родителей.

Мать стояла в оцепенении и очнулась, когда услышала из уст сына слова, с трудом проникающие в сознание:

– Дорогие родители, прошу любить и жаловать: Алиса – моя избранница! Мы сегодня подали документы для регистрации нашего союза на веки веков, – Виктор, нервно улыбаясь, обхватил Алису за талию, стараясь говорить игристым тоном, который, однако, не помогал ему скрывать волнение.

Мать абсолютно неправлялась с онемением и молча последовала совету мужа, пригласившего всех в гостиную. Пока Виктор с Аликой, бурно восторгаясь, разглядывали сюрпризы, она удалилась в ванную, чтобы с помощью холодного компресса на лицо немного успокоиться.

Несмотря на безудержную веселость Алики, которая вела себя так, будто она в этой семье живет всю жизнь, ужин прошел неуклюже, натянуто и длился недолго. Сын поблагодарил родителей за праздник и с плохо скрываемым нетерпением увлек Алику в свою комнату.

Родители остались один на один, и мать, подавленная, растерянная, предприняла попытку обсудить с мужем происшедшее. Но он, как всегда, не снизошел до понимания ее настроения, продемонстрировав, что принял все как должное. Житейские заботы всегда вызывали у него раздражение, и в ответ на тревогу жены он нервно, хотя и резонно, возразил:

— Только, пожалуйста, не проявляй себя как мамаша, которая ко всем ревнует своего сына. Он выбрал ее, значит, она ему нужна, мы должны ее принять. И не надо вмешиваться. Привыкни к тому, что ты не есть все (!) для сына и что тебе придется поделиться им с другой женщиной.

— О чём ты говоришь! Какая ревность! Что значит «поделиться» сыном? Разве не очевидно, что она ему не пара? Чего стоит только ее вид, ее манеры, речь!

— А ты бы хотела, чтобы она была застегнута на все пуговицы, как ты? Ты даже в постели застегнута доверху! А она — свободна! Свободна! И ты ей завидуешь! Да, завидуешь ее внутренней свободе...

Матери казалось, что то, что изрекает ее муж — отец ее сына, человек, с которым она прожила почти тридцать лет, — за пределами реального и сознательного.

Признать это реальностью, осмысленностью — значит броситься с балкона либо сойти с ума. Поэтому она, пропуская его «бред» мимо ушей, пытлась все же достучаться до его сердца, дабы вызвать к серьезному обсуждению нахлынувшую на них драму. Собрав весь свой педагогический опыт самообладания, она ровно изрекала:

— Пожалуйста, я тебя прошу, ну сбрось эту браваду, эту игру в демократизм. Давай все же поговорим серьезно, обсудим. Может, можно еще что-то хотя бы оттянуть, чтобы узнать ее поближе. Ведь мы столько вложили в нашего сына...

— Я не считаю, что мы имеем право вмешиваться, — отвечал муж, с трудом сдерживая раздражение. — Сейчас вся молодежь такая... Это вы в своей специализированной школе еще держите «учащихся» в узде, руководствуясь постулатом о том, что биологи должны быть особенно ответственны, нравственны, аккуратны во всем... Я знаю твои идеи насчет «века Биологии», новых критериев ответственности за судьбы человека и человечества...

Никто не спорит: все это, может, правильно, но не нужно вдалбливать, нужно, чтобы человек сам это осознал, понял! Вот посмотрим, что преподнесут миру выпестованные вами «высоконравственные, аккуратные» ученики, когда научатся клонировать человека... А пока вам легко, вы имеете дело со школьниками. И притом — очень специфической, привилегированной школы.

А я каждый день общаюсь с обычными студентами и аспирантами. Они все раскрепощенные и ведут себя так, как хотят. У них нет наших комплексов. Они горды тем, что завоевали свои собственные молодежные права на самостоятельную организацию своей жизни по их критериям, а не по нашим, понимаешь ты это?

В той же самой Америке (на успехи в биологии которой ты часто ссылаешься), если хочешь знать, ребенок может осуществить развод со своими родителями, если его не устраивает то, как они с ним обращаются. А твой сын — взрослый, самостоятельный, независимый человек! И вообще, о чём мы говорим: он уже подал заявление в ЗАГС и этим дал понять, что ничего изменить нельзя. Да и зачем менять? Может быть, это именно то, что ему нужно...

— Но это не может быть то, что ему нужно, — сдерживая истерику говорила мать. — Она же человек совсем другой породы, другого класса. Что она может ему дать как жена, друг, партнер по жизни? О чём он будет с ней говорить, чему она сможет научить наших внуков?.. И вообще, у неё вид и манеры настоящей...

— Послушай, — с прорвавшимся снова раздражением воскликнул муж, — мне эти твои лекции уже давно надоели. Ты должна знать прописную истину, что человек всегда стремится получить то, что ему нужно. Значит, твоему сыну именно это и нужно!

— Не может быть! Он просто ослеплен, он не понимает, что его ждет с этой...

— Так ведь он же гений, как ты всю жизнь твердишь! Значит, он все должен понимать. Но теперь тебе в это не хочется поверить. Ты хотела его сотворить по своему образу и подобию и уже радовалась, что он такой «правильный», как ты. А ему, может, наскучила эта правильность, вот тут стоит. — Муж всеми пальцами зажал себе горло.

– Но именно на «правильности» этот мир еще держится, – парировала она, чеканя каждое слово, как на уроке. – Если бы не было нас, правильных, этот безумный, безумный мир совсем свихнулся бы. А держится он на вечных ценностях добра и морали...

– Вот-вот-вот!!! Эти твои лекции на «морально-этические» темы и привели к тому, что столь любящий тебя сын не согласовал с тобой заранее свою женитьбу! Он хорошо представлял, как ты отреагируешь... Он боялся твоих «лекций», потому и решил просто поставить тебя перед фактом. Так что, пеняй на себя...

В мгновенье в памяти проносились вечные ссоры с мужем по поводу его нежелания посещать школьные собрания, сидеть с сыном дома, когда он болел (а ей нельзя было пропускать, уроки), водить его в музыкальную и спортивную школу и вникать в его духовную жизнь... Она чувствовала, что вся холодаеет, сил осталось лишь на шепот.

– Так ты хочешь сказать, что я во всем виновата?! Когда я получала грамоты и вечные похвалы за воспитание сына, ты воспринимал это как должное. Ты не задумывался над тем, что в отличие от многих семей, мы не знали никогда проблем с сыном, не знали никаких переходных возрастов... А не задумывался и не ценил, потому что твоих усилий в этом был ноль. Тебе все с неба падало... Ты никогда не бывал на родительских собраниях и не знаешь, как другие папаши выслушивали горькие упреки учителей за невнимание к нуждам детей и плохое их воспитание в семьях, за плохую учебу и поведение их отпрысков. У нас все тянула на себе я!

Именно я затратила огромные силы на то, чтобы нам такого не слышать никогда! Зато на защите диссертации сына ты сидел королем и принимал с гордостью поздравления и похвалы в свой адрес... А сейчас, когда случилась беда, ты снова умываешь руки.

Выдержка отказалась ей совсем, она безудержно разрыдалась. Он никогда раньше не видел ее рыданий, и это его испугало. С давно не проявляемой к ней нежностью он подошел к жене, обхватил за плечи и, прижав к себе, тихо сказал:

– Не отчайвайся. Все знают, сколько ты сделала для сына. И уверяю тебя, он не подведет. Он тебя очень любит, ты это знаешь. Он – умный и порядочный парень, все будет у него хорошо. Успокойся. Утро вечера мудренее... Уже поздно, пора отдохнуть...

На следующий день, выйдя из комнаты Виктора лишь во второй половине дня, молодые быстро отправились за пожитками Алики в ту квартиру, которую она снимала.

Бракосочетание отметили опять вчетвером, так как Алика сказала, что она сирота, а родственники – все дальние и разбросаны по разным деревням. Виктор не хотел никакой свадьбы, и рано утром молодые отправились в путешествие.

Оскорбительное и несправедливое предостережение мужа о том, что ей не уподобиться «ревнивой мамаше», такочно запало в душу, что она заставляла себя нарочито проявлять всяческую благосклонность к нежеланной невестке, несмотря на то, что все, что та делала, говорила, надевала, было самим отрицанием той интеллигентности, той изысканности, которым был обучен Виктор.

Пытаясь понять истоки страстной влюбленности сына в свою жену, мать старалась в раскованности, бесшабашности и даже нагловатости невестки найти какую-то позитивную новизну, внесенную ею в жизнь их семьи, в их дом, где они жили вместе с того дня, когда эта «девица» впервые переступила его порог.

Подавляя собственные сомнения и тревоги, мать поддерживала инициативы чрезмерно активной Алики, не знающей понятия «неудобно», и порой матери даже казалось, что между ними возникла обоюдная устремленность к взаимопониманию.

Временами она с радостью отмечала в себе даже признаки зарождающейся привязанности к жене сына, и это внушало оптимизм, за который она хваталась как за соломинку.

Конечно, мать не могло не угнетать то, что сын с момента женитьбы все реже делится с ней своими настроениями, творческими планами, но она ни разу не позволила себе упрекнуть его в этом.

Однако, когда спустя примерно полгода Виктор сообщил родителям, что получил приглашение на работу в США и собирается с Аликой туда уехать, неожиданность чуть не раздавила своей тяжестью ее пошаливающее с некоторых пор сердце.

Сын однозначно дал понять, что если хорошо там устроится, то вряд ли вернется, так как не видит перспектив ни в науке, ни в материальном обустройстве их самостоятельной жизни в России. Единственное, что он предложил родителям в утешение, это – поехать с ними в расчете на его помошь в новой стране.

Поздно вечером того дня, уже в спальню перед сном, мать, зная позицию мужа в отношении отъезда и потому не надеясь особенно на его солидарность, все же решила осторожно начать «работу» по воздействию на него...

– Мы не молодеем, увы, – сказала она, тщательно подбирая слова, которыми могла бы расположить мужа к судьбоносному для нее разговору. – Нам тяжело будет одним здесь, а ему без нас – там. Да и что может быть важнее того, чтобы видеть сына, соучаствовать в его устремлениях, общаться с будущими внуками?

– Так, – прервал муж гневно, – я лично никуда не уеду. Я не для того столько корпел в жизни, чтобы сейчас с профессора скатиться на таксиста. Я бывал там и видел, что происходит с нашими учеными-гуманитариями, особенно с теми, кто приезжает после 50-ти, тем более без хорошего английского языка.

И вообще, та жизнь не по мне! Здесь у меня все: моя работа, мои коллеги, мои семинары, мои аспиранты и студенты, моя культура, мой язык – все, чем я живу! Мое благополучие – в этом, и этого мне ничто не заменит, даже золотые горы, которых к тому же мне там и во сне не видать! Так что прошу тебя больше не поднимать эту тему! – Он нервно вышел из спальни, выпил воды и вскоре вернувшись, успокоенным, деловым, дружелюбным тоном сказал:

– Знаешь, что, – поезжай-ка ты с ними пока сама. А там... посмотрим. Не понравится – вернешься. А может, твой опыт будет позитивным, и я изменю свое отношение к этой проблеме. Я, честно говоря, сам не знаю, что меня ждет дальше. Каждый день все меняется. Ученым сейчас и здесь золотые горы никто не обещает. Я бы тебе посоветовал поехать. Ты не сможешь без сына, и твоя жизнь станет сплошным адом, когда он уедет. Хоть ты и утверждала, что будешь ходить на работу до тех пор, пока ноги носят, но кто знает! Может, и сама через пару-тройку годочек на заслуженный отдых захочешь... Труд учителя все же один из тяжелейших. Так что, думаю, сама жизнь расставит все по своим местам...

Она слушала слова человека, которому отдала самые прекрасные годы жизни, и, может быть теперь, как никогда ранее, осознала, что их союз держался только на ее неимоверных усилиях не разрушать семью ради сына. Каждое слово мужа молотком по сердцу вдалбливало в ее сознание истину, что она «не нужна ему», и что ее отъезд был бы ему даже желателен.

* * *

В эту пятницу, как всегда, с самого начала обустройства в Америке, мать сидела за рулем, счастливая в предвкушении свидания с сыном. Они жили втроем в прекрасном доме с бассейном, в живописном месте, где все настраивало на отдохновение. Виктор сразу обучил мать вождению, купил ей машину, чем обеспечил ей относительную независимость и избавил от одинокого просиживания дома целые дни, когда он на работе, а Алика в колледже.

Мать жила их счастьем и покоем, который сама она все более обретала, видя блестящие перспективы сына, его удовлетворенность жизнью и работой. С утра Виктор с Аликой разъезжались. К их приезду она готовила обед, всегда содержащий что-то новое, праздничное.

Она совсем смирилась с Аликой, старалась не копаться в себе, не теребить ностальгию, отбрасывать мысли о муже. Порой она удивлялась тому, что почти не скучает по нему,

поскольку избавилась от тревог и унижений, связанных с его постоянными поздними возвращениями домой, нелепыми и лживыми оправданиями.

Истинной причиной ее ностальгии была школа, учителя – ее коллеги, их споры, посиделки, победы в борьбе за любовь и уважение учеников, за пробуждение у них тяги к знаниям, творчеству. Ее школа, где она сформировалась как специалист, и где прошли детство и ранняя юность сына, была тем убежищем, той нишней, где она ощущала себя всегда самодостаточной, уверенной в себе и гордой собой. Но почему-то здесь, за океаном, школа доставляла страдание... во сне.

Ей часто снился один и тот же сон, в котором Виктора, еще подростка, за что-то выгнали из школы, а ее держат взаперти в учительской и не выпускают к нему. Проснувшись, она ощущала себя воистину счастливой тем, что живет под одной крышей с сыном, с которым ее ничто не может разлучить.

Виктор понимал, что матери недостает дела, ее любимого «учительства», и старался, как мог, это компенсировать тем, что постоянно что-то придумывал, дабы подчеркнуть ее необходимость ему и правильность ее выбора. И одной из его «выдумок» были эти пятницы, когда он неукоснительно приглашал ее на «ланч» вдвоем. Он подыскал для этого красивый дорогой ресторанчик, чтобы в дневное время вытащить маму из домашней обыденности.

Алика активно поощряла эти их свидания, за что мать была глубоко ей благодарна и старались отплатить поистине материнской заботой.

Все оказалось в этой жизни с сыном приятным, затушевывающим боль утраченного в ее личной жизни. Но эти пятницы (!) давали ощущение особого счастья.

В машине звучали любимые мелодии, и мать в радостном ожидании не заметила, как подъехала к их «кафушке». Она припарковалась и, направившись ко входу, заволновалась, не увидев там обычно поджидавшего ее сына.

«Возможно, «трафик» тому виной», – успокоила она себя и зашла в кафе, заняв столик. В это время в ее сумочке зазвонил телефон.

– Мамуля, извини, непредвиденный бизнес-ланч с боссом и командированными, – говорил Виктор, окутывая теплом и успокоением ее сердце. – Ты поешь без меня, пожалуйста, а вечером пойдем все вместе куда-нибудь поужинаем. Тем более, что есть повод: мне дали весьма неплохой «бонус». О'кей?!

Мать, счастливая, вернулась к машине. Ликование и восторг переполняли ее настолько, что не хотелось ни в чем их растворять. Поэтому, отказавшись от ланча в кафе, она тут же поехала домой.

При приближении к дому она заметила, что путь к гаражу преграждает незнакомая машина. Она решила, что кто-то из гостей соседского дома что-то перепутал (как уже бывало однажды), остановившись у их гаража. Она припарковалась у фасадного входа, откуда и направилась в дом.

Переступив порог, мать услышала какие-то звуки, доносившиеся со второго этажа. Прежде чем она успела о чем-то подумать, на внутреннем балкончике, соединяющем кабинет сына с его супружеской спальней, появился окутавший нижнюю часть тела простыней огромный, атлетического сложения длинно-светловолосый детина.

– Вот ду ю нид (что тебе нужно)?! – крикнула мать, используя свой мизерный английский.

Она еще не успела отойти от двери и принялась отворять ее, дабы выбежать на улицу с криком о помощи. Но тут, так же прикрывшись простыней, на балкончике появилась испуганная Алика...

Внезапно все закружилось, поехало, сместились со своих мест... Сколько это продолжалось мать не помнила, но, когда очнулась, обнаружила себя в своей комнате, на постели, у которой на полу сидела заплаканная невестка.

– Я ничего не скажу Виктору! – чеканили мать. – Но не ради тебя, сволочь ты этакая, а ради сына. Он с этим не справится. А дальше посмотрим. Но я сделаю все, чтоб твоего духа в этом доме не было! И где такие берутся, как ты? И почему на вас клюют такие порядочные парни, как мой сын. Я сразу в тебе что-то учудила. Интуиция мне подсказывала правильную оценку тебя, но я закрывала глаза, наступала себе на горло. Я такое себе навнушала, что уже готова была полюбить тебя, как дочь, и грызла себя порой за свои подозрения…

Мать говорила, говорила, словно сама себе, выплескивая горе, страдание, растерянность и отчаянье от незнания, как жить дальше после случившегося, как спасать сына от неизбежного краха его радужных надежд, связанных с женой. Потом, как бы вспомнив, что Алика еще сидит на полу возле ее постели, выкрикнула истерически:

– Выходи отсюда, не марай собой мою комнату, дрянь, мразь, гадина!

Виктор пришел веселый, с цветами для обеих женщин и предложил немедленно собраться в самый известный в городе ресторан с шоу, где он уже зарезервировал места. Мать старалась ничем не выдать случившегося, но искусственность ситуации неудержимо выплескивалась наружу.

– Что ты какая-то невеселая сегодня? – говорил Виктор снисходительно-игривым тоном, как старший с напоказничавшим младшим. – Ну что? Что могло испортить тебе настроение? Мамуля, может, ты обиделась, что я не приехал на ланч? Нет? Так что – мясо снова подгорело? Ну и черт с ним, мы ужинаем в самом шикарном ресторане. Я получил бонус, и мы сегодня шикуем! Мы приехали сюда, чтоб быть счастливыми. И мы ими стали. Нам ничто не должно мешать в этом! Ничто! Вот Алика закончит учебу, у нас появятся дети.

Она не сдержалась и вдруг заплакала.

– Мамуля, ну право же, что с тобой сегодня? – Сын нежно обнял мать. – Ты просто загрустила! Хочешь, я сейчас позвоню отцу и потребую, чтобы он приехал к нам немедленно?

Мать вся встрепенулась от этих слов, так как скрывала от сына, что получила письмо от подруги, в котором та сообщала, что отца все постоянно видят с другой женщиной.

– Нет, нет, сынок, что ты, что ты… Он сам приедет, когда завершит свой проект. Осталось недолго, он мне написал об этом. А заплакала я от радости, когда ты заговорил о детях… Я очень хочу внуков. Держать твоих детей в своих объятиях! Что может быть счастливее для меня?!

– Ну, так в чем же дело?! Будут у тебя внуки, очень скоро. И тут, смею заметить, твой педагогический талант нам очень понадобится, потому что у нас будет много детей! Мы тебе целый класс народим. Будешь их учить всему, чему учила меня. Вот здорово! Появится на свете столько замечательных и воспитанных людей, как я! Да, Алика?! – Виктор засмеялся и, подойдя к жене, с особой нежностью обнял ее и поцеловал крепко в губы.

Мать всю трясло. Невестка вела себя с Виктором как ни в чем не бывало, и как должное, принимала его ласки. «Может, она постоянно ему изменяет, принимает в этом доме любовников и в душе смеется над нами. Ведь и сегодня, если бы ланч состоялся, я ничего не узнала бы. Так вот почему она так поощряет эти ланчи! А я-то дура, восхищалась ее благородством. Господи, как жить дальше?»

Еще недавно райская жизнь матери теперь превратилась в ад. Она стала панически бояться оставлять Алику одну дома. Ради этого, к недоумению сына, она отказалась от столь любимых ею пятничных встреч с ним в «кафушке». Она изредка позволяла себе выезжать из дома, а если выезжала, то только тогда, когда сын с невесткой могли быть дома вдвоем до ее возвращения.

К каждому выезду Алики без Виктора (даже в колледж) она относилась с недоверием и страхом. Без боли и отчаяния не могла смотреть даже на невинные в ее присутствии ласки между сыном и невесткой и потому подавленно выходила из гостиной, когда они в обнимку усаживались на диван смотреть телевизор.

Это не прошло мимо внимания сына, и решив, что матери так будет удобнее, он купил новый телевизор, который установил в ее комнате. Но это еще больше угнетало мать, так как даже вечером она оказывалась в одиночестве.

Ненависть и раздражение к невестке все более нарастали, в той или иной степени выплескиваясь наружу и в присутствии Виктора, и тем более, во время его отсутствия.

– Мама, послушай! – сказал однажды сын, зайдя к ней в спальню вечером, когда она уже была в постели. – Я тебя не понимаю: что ты хочешь от Алики! Чем она тебе не угодила? Что изменилось? Ведь ты, вроде бы, неплохо к ней относилась раньше! Признаюсь: я не обольщался насчет искренности твоих чувств. Но я верил, что твоя любовь ко мне заставит тебя полюбить женщину, которую люблю я. Я думал, что оказавшись в другой стране втроем, мы объединимся еще более! Что вам делить? Ведь все так прекрасно!

Я не могу видеть, как она перед тобой заискивает, унижается, а ты все больше наступаешь на нее! Она каждый день плачет. Я не могу с этим смириться, потому что она моя жена, и я обязан ее защищать. В конце концов, мы здесь вдвоем, а она – одна! Это жестоко с твоей стороны, мама! Но главное: я люблю ее, очень люблю! Понимаешь, мама?!

– Сынок! – взмолилась мать, – ты преувеличиваешь. Я не придираюсь к ней, я не жестока… Видит бог, я хотела ее полюбить, как дочь… но не получается… – Мать напряглась на мгновенье, силясь придумать что-нибудь, чтобы не назвать подлинной причины. – Понимаешь, сынок, мне трудно с ней, она какая-то другая, в ней все не то, к чему я привыкла…

– Мама, прошу тебя, остановись! – резко оборвал сын. – Не смей так говорить! Это мне решать: такая она или другая. Она мне именно этим и нравится, что – «какая-то другая». Понимаешь?! Именно этим?! – Виктор впервые в жизни поднял голос на мать.

– Сын, я тебя не узнаю, – лицо матери обрело знакомое ему с детства строгое «учительское выражение». – Ты никогда так со мной не разговаривал…

– Да, да, не разговаривал, – сказал Виктор, отводя взгляд. Он кашлянул, пытаясь этим протолкнуть «нервный ком» в горле. – Я с тобой так никогда не разговаривал, потому что я тебя не только любил, но и уважал! Не у всех детей бывают такие чувства к родителям. Уважение я бы даже поставил выше, чем любовь.

Любовь – это на уровне крови, биологии. А уважение – это надо заслужить. И я тебя по-настоящему уважал. У нас все было общее с тобой – вкусы, пристрастия, отношение к людям… Даже отношение к отцу. Ты тщательно от меня скрывала те обиды, которые он тебе наносил. Я это понял, когда стал взрослым и в душе не прощал их ему. Я ценил все, что ты делала для меня. И я хотел сделать тебя счастливой. Я страдал оттого, что ты не была счастлива как женщина.

Но это было не в моей власти. Поэтому я хотел, чтоб ты была счастлива как личность, как мать… И я был уверен, что мне это удается. Я никому не давал и не дам тебя в обиду. Но чего ты хочешь сейчас? Я люблю Алику больше жизни. Я очень люблю тебя и не хочу, не могу делить себя между вами!.. – Виктор вдруг отчаянно зарыдал, громко, по-детски всхлипывая.

Мать вскочила с постели и прижалась к груди сына, тоже громко зарыдала, приговаривая:

– Ну прости меня, прости, сынок! Я виновата. Мне нет прощения из-за твоих слез. Я распустилась, это ужасно, ужасно! Я виновата… Я сейчас же извинюсь за все перед Аликой, за те огорчения, что доставила ей.

Почти воя от рыданий, мать опустилась на колени у ног сына, но он, стремительно схватив ее за руки, тут же вынудил встать. Когда она, внезапно состарившись, выпрямила ослабевшее от страданий тело, то с ужасом увидела за спиной Виктора невестку, с иронической гримасой наблюдавшую происходящее…

Нброшенная поверх совершенно прозрачной сорочки простыня, как увеличительное стекло, воспроизвела в подробностях картину, которую она увидела в ту страшную пятницу…

Мать почувствовала, что захлебывается от отчаяния. Она посмотрела невестке в глаза, дабы увидеть в них спасительное раскаяние и мольбу о пощаде. Но вместо этого, как тяжелее пощечины, до нее донеслось:

– Мне не нужно ваших извинений и вашей любви, я лишь, хочу, чтоб вы перестали издеваться надо мной...

Мать стремительно направилась к невестке и, указывая на дверь, закричала, уже не думая о последствиях:

– Я прошу тебя немедленно выйти! Я не желаю тебя ни видеть, ни слышать, грязная тварь, шлюха!

Тут сын стремительно вплотную подошел к матери, как пьяный, готовящийся к драке, заплетающимся языком произнес:

– Т-ты ч-что т-такое с-сейчас ск-казала, мама? Т-ты с-соображаешь, ч-ч-что ты с-сказала, мама?

Мать ничего не ответила, обречено опустив голову.

– Да она же тебя просто ревнует ко мне, – заорала Алика мерзким тоном торговки. – Я тут ни при чем. Что бы и как бы я ни делала, я ей не угоджу никогда. Она ревнует! Ревнует!

– Алика, я тебя прошу, остановись, – с мольбой обратился сын к жене.

– Да что там «остановись» – хватит молчать! Мне тоже надоело терпеть это. Ясно, что ее муженек не торопится к ней... Ей бы мужика крепкого, тогда она бы, может, и успокоилась! Она тебя ревнует, а мне завидует, что я не одна в постель ложусь. Ей бы самой на кусок хлеба зарабатывать, вынося горшки за стариками, как многие эмигранты здесь делают! Вот тогда бы и времени не было для придирок. А ты ее на всем готовом тут в масле катаешь, машины даришь...

Мать почувствовала себя внезапно разжатой пружиной, которая после предельного сжатия отскакивает, отвергая какое-либо воздействие на себя.

– И как земля таких держит?! Прочь из этого дома, проститутка мерзкая!! – выкрикнула она и, отпрянув от стоявшего рядом сына, уперлась двумя руками о спинку кровати, чтоб устоять на ногах.

– Мама, – отойдя к окну и повернувшись к матери спиной, произнес сын леденяще спокойно, – мы не сможем больше находиться под одной крышей. Я тебя любил, любил искренне и самозабвенно. Но я, очевидно, любил другого человека. Ты – не тот человек, которого я любил. Я начинаю немного понимать отца и даже чувствую угрызения совести перед ним в эти минуты...

Сын еще что-то подобное долго и чеканно изрекал... Мать стояла и не понимала, почему ее сердце так громко стучит, когда ему положено замолчать навсегда.

Собачка с дамой

Вчера в вечерних новостях предупредили о том, что сегодня, возможно, будет дождь и гроза. И потому, мое недоверие к прогнозам погоды торжествовало: ярко светило солнце, а голубое безоблачное небо сулило прекрасную погоду весь этот, один из дней конца лета.

Я выглянула из окна и УЛЫБНУЛАСЬ солнцу в знак благодарности ТАК КАК, оно помогло мне одержать победу в «борьбе» с Русланом за то, чтобы провести выходной на природе. Из всех развлечений я более всего люблю прогулки в лесу и парках, когда могу быть целый день с моим любимым вдвоем, и мы не разбавлены его друзьями и коллегами, которые, как и он, больше любят спортивные игры и вечеринки у нас (и у них) дома, либо в кафе, ресторанах.

Когда мы вдвоем, Руслан весь принадлежит мне, все его внимание обращено только ко мне, а это именно то, что составляет мое счастье. Я знаю, что разница в возрасте – объективное, непреходящее мое ревосходство – всегда будет щитом и мечом в наших отношениях. Мы будем меняться и стариться, но 16 (!) лет различия обеспечат мне вечную молодость в сравнении с мужем, а значит – моя роль в наших отношениях, роль девочки, ребенка, будет неизменной. Мне нравится эта роль, и я не хочу никакой иной.

Уже прошло немало лет со дня нашей свадьбы, но я еще не решилась стать матерью, так как не хочу себя делить между Русланом и кем-то еще. Я хочу принадлежать только ему и быть для него только женщиной. Где-то я читала, что мужчины больше любят тех женщин, которые не имеют от них детей. Есть в этом, есть сермяжная правда... Мужчины очень однобоки. Они не могут себя делить. Значит, я должна с этим считаться, если хочу, чтоб его сердце принадлежало только мне.

Вот, все рассуждают, что в результате эмансипации женщины обретают мужественность, а мужчины женственность. Мне не нужна никакая эмансипация. Я хочу быть только любовницей своему мужу, только женщиной, по праву принадлежности все же к слабому полу, что бы там ни говорили всякие социологи и данные статистики... Всей своей жизнью я докажу подругам, что они обкрадывают себя, желая стать «сильными», гоняясь за карьерой, и мнимой свободой. Мне не нужна свобода, я хочу быть в плена у своего любимого.

Конечно, в отличие от многих из женщин, я могу себе это позволить, потому что мой муж – настоящий мужчина, и он создает мне для этого условия, как моральные, так и материальные. Мелкие противоречия, возникающее порой между нами и все большая загруженность его (.вплоть до засиживания часто на работе вечерами и в выходные) – есть лишь проявление им заботы обо мне и желания сделать мою жизнь все лучше и обеспеченней. А сегодня мы целый день будем вдвоем в нашем парке Муж будет катать меня на аттракционах, мы. Будем смеяться и радоваться всему, что нас окружает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.